

Вознякевич Екатерина Евгеньевна

канд. филос. наук, доцент

Обнинский институт атомной энергетики (филиал)

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский

ядерный университет «МИФИ»

г. Обнинск, Калужская область

DOI 10.21661/r-466006

СТРАТЕГИЯ ОБОСНОВАНИЯ ИЗМЕНЕНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК

Аннотация: в статье анализируются стратегии поиска достаточного основания для изменения познавательных практик с точки зрения представителей различных традиций. Делается вывод о том, что в рамках естественнонаучной и философской традиции реализуются схожие стратегии обоснования применения новых познавательных приемов.

Ключевые слова: принцип достаточного основания, рациональность, темпоральность.

Закон достаточного основания, в том его виде, как он был сформулирован Лейбницием, имеет не столько методологическое, сколько мировоззренческое значение. «Аксиома, что ничего не бывает без основания, должна считаться одной из самых важных и плодотворных аксиом во всем человеческом познании; на ней основывается большая часть метафизики, физики и нравственного учения, и без нее нельзя ни доказать существование Бога из творений, ни построить доказательство от причин к следствиям, ни сделать какие-либо выводы в делах гражданских» [4, с. 140]. Эта установка, требующая установления некоторой причинно-следственной связи, рассматриваемой как базовый элемента объяснения, формирует наиболее общие познавательные стратегии. Соответственно, значительное разнообразие познавательных практик может быть подвергнуто типологизации в зависимости от того, какие приемы используются здесь для обнаружения такого основания. Полученная таким образом типология, возможно,

окажется полезной для прояснения соотношения богословской и естественнонаучной традиции наделения определенным эпистемологическим статусом конкретных познавательных практик.

Уже у Лейбница мы видим формулировку принципа достаточного основания в тесной связи с идеей каузальности: «... ничто не случается без причины, т. е. ничего не бывает без основания» [4, с. 140]. В этом смысле, основание находится с обосновываемым в каузальных отношениях. Хайдеггер, когда пишет о науке в ее новоевропейской форме, отмечает, что наука обращается к действительности, понятой как «получившееся в порядке следствия» [5, с. 242]. Собственно, *modus operandi* науки реализуется как конституирование действительности в ее предметной противопоставленности. Существенным делом исследователя как познающего является открытие основания таким образом, чтобы оно вписывалось в предметную структуру теории. «Наука устанавливает действительное. Она добивается от действительного, чтобы оно всякий раз представляло как результат того или иного действия, то есть в виде обозримых последствий подведенных под него причин» [5, с. 245]. Именно то, что наука всегда выступает как теория действительного вынуждает ее упускать нечто, что выходит за пределы случайного. «Положение, царящее во всем существе науки, т. е. теории действительного, есть постоянная обойденность недоступного необходимого» [5, с. 251]. Практическая результативность такого способа познавательной деятельности связана с подчеркнутым Хайдеггером значением теоретического, интерпретируемого им с отсылкой к этимологии как «разделяющее», «выделяющее». Теоретическая деятельность связана с образованием понятий, то есть классов объектов которые выделены и обобщены на основании общих, присущих только им признаков. Но, в отличие от эйдосов Платона, эти понятия не имеют отношения к неизменному или необходимо существующему, поскольку здесь «действительное фиксируется в своем присутствии» [5, с. 245]. В науке, прежде всего в естествознании, мы имеем дело с устойчивым, но не необходимым. Эта устойчивость и есть условие успеха науки в прагматической сфере. Как пишет Вебер «...науки... в состоянии содействовать вам в чем-то третьем, а именно в

обретении ясности» [2, с. 729]. Эта обретенная ясность, наличие предметности обуславливает возможность присвоения мира, не отвечая на вопрос о цели, наука дает нам средства, ведущие к определенной цели. То есть, выбор средств определяет достижение определенной цели. Таким образом, стратегическая установка при обосновании знания, характерная и для современной науки, связана с поиском устойчивого в подвижном, того, что может быть предъявлено в качестве одного и того же независимо от контекста. Например, объяснение химических свойств вещества его строением. Свойство проявляется или нет, а строение всегда одно. Математизация естествознания существенно упрощает процесс обоснования. Так, к примеру, Гейзенберг, отмечает, что научная обоснованность тех или иных суждений о мире может быть достигнута без обращения к естественному языку. «Физик может довольствоваться тем, что он обладает математической схемой и знает, как можно ее применять для истолкования своих опытов» [3, с. 104]. При переходе же к естественному языку возникает ряд проблем, которые обнаруживают неравномерность действительности, пропуски в той самой предметности, о которой говорит и Хайдеггер. Гейзенберг, подробно анализируя возможности высказываний о процессах, изучаемых квантовой механикой, приходит к парадоксальному выводу: «В экспериментах с атомными процессами мы имеем дело с вещами и фактами, которые столь же реальны, сколь реальны любые явления повседневной жизни. Но атомы или элементарные частицы реальны не в такой степени. Они образуют скорее мир тенденций или возможностей, чем мир вещей и фактов» [3, с. 117]. Принципиальная невозможность достичь конечного основания средствами науки вынуждает ставить вопрос о достаточном основании. Как отмечает Лейбниц «Однако дать полное основание для случайных вещей мы так же не можем, как не можем беспрерывно следовать асимптотам и пробегать бесконечные ряды прогрессий чисел». Результаты современных исследований, как правило, считаются достаточно обоснованными в том случае, если они могут на основании большей или меньшей регулярности событий быть включены в каузальную цепочку, где в качестве фундирующего основания есть математическая схема, а в качестве следствия множество

единичных, статистически очищенных событий. Но если речь идет о следовании, то в процедуре обоснования, явно или имплицитно, предполагается наличие какой-то темпоральности. Собственно говоря, процедура обоснования в естественных науках всегда обращена в прошлое, в то, что уже было само по себе до того, как оно стало явно для нас. Действительность для теории разворачивается как специфический проект, она находится в процессе становления, определяемого стремлением обнаружить собственные уже имеющиеся в качестве необходимых основания, неизбежно ускользающие.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №16–13–40003а (р).

Список литературы

1. Бэкон Фр. Новый органон (афоризмы об истолковании природы и царстве человека) // Сочинения. В 2 т. Т. 2. – С. 18–33.
2. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения Пер. с нем. Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
3. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. – М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1989. – 400 с.
4. Лейбниц Г.В. Об основных аксиомах познания // Лейбниц Г.В. Сочинения. В 4 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1984. – С. 138–142.
5. Хайдеггер М. Наука и осмысление // Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 238–253.